

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Алексей Викторович **Андронов**

**Сопоставительная грамматика
литовского и латышского языков.
Словоизменение**

10.02.20 — сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург, 1999

Работа выполнена на кафедре общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель — д.ф.н., проф. Л.Г.Герценберг

Официальные оппоненты: д.ф.н., проф. Э.Ш.Генюшене
д.ф.н., проф. А.Хольфут

Ведущая организация — Вильнюсский университет

Защита состоится 21 октября 1999 г. в 16 час. на заседании диссертационного совета К 063.57.52 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата филологических наук в Санкт-Петербургском государственном университете (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11, ауд. 25).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан 15 сентября 1999 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
к.ф.н., доц.

В.Б.Гулида

Общая характеристика работы

Объект диссертационного исследования. Реферируемая диссертация посвящена сопоставительному анализу словоизменения (формообразования) современных литературных литовского и латышского языков в полном объёме, то есть систем словоизменительных парадигм всех изменяемых слов, представленных в базовых словарях современных литературных языков (см. стр. 2).

Актуальность темы. Балтийские языки представляют большой интерес как для сравнительно-исторического, так и для типологического и теоретического языкознания. До сих пор, однако, не существует специальных исследований по сопоставительной грамматике балтийских языков, хотя, благодаря своему близкому генетическому родству (литовский и латышский языки — единственные представители ранее довольно обширной группы балтийских языков, относящиеся к восточно-балтийской подгруппе), они имеют сходные грамматические системы. Более того, в существующих грамматиках некоторые аналогичные явления в этих языках подчас расцениваются по-разному, что затрудняет или вовсе исключает сопоставление (ср., например, описание спряжений глагола).

С другой стороны, существующие описания словоизменения каждого из балтийских языков не подвергались целенаправленному анализу на основе всего корпуса лексики литературного языка; без этого задача создания исчерпывающего описания словоизменения не может считаться решённой: не всегда оказывается возможным построить любую форму любого слова исходя из информации, представленной в имеющихся словарях и грамматиках. Специального рассмотрения и переоценки требуют также некоторые теоретические положения традиционных грамматик литовского и — особенно — латышского языков. Актуальным является последовательное проведение определённой единой системы теоретических взглядов при описании словоизменения обоих языков.

Следует, наконец, отметить то, что подробные грамматические описания балтийских языков на русском языке практически отсутствуют (отрадным исключением является лишь академическая «Грамматика литовского языка», Вильнюс, 1985).

Цель работы. Целью работы является разработка единой модели описания словоизменения литовского и латышского языков, отвечающей современным лингвистическим взглядам и обеспечивающей возможность сопоставления как систем словоизменения в целом, так и отдельных их элементов, а также реализация этой модели при анализе парадигм всех изменяемых слов соответствующих языков, включённых в базовые словари. Важно подчеркнуть необходимость взаимоориентированности представления словоизменения в грамматике и грамматической информации в словаре.

Задачи работы. Цель работы предполагает решение ряда задач:

- 1) критический анализ существующих грамматических описаний литовского и латышского языков, как с точки зрения предлагаемых в них теоретических решений проблем, связанных со словоизменением, так и с точки зрения полноты представления словоизменения;
- 2) выявление сходного и различного в системах словоизменения балтийских языков, разработка подходов для сопоставимого описания аналогичных явлений;
- 3) создание исчерпывающих описаний словоизменения литовского и латышского языков на основе анализа всего корпуса лексики базовых словарей;

- 4) критический анализ грамматической характеристики слова в словарях литовского и латышского языков, установление необходимого и достаточного объёма информации для построения полной парадигмы словоизменения каждого слова и создание опытных выпусков грамматических словарей по словоизменению.

Построение полных грамматических словарей литовского и латышского языков является одной из последующих задач.

Материал исследования. В работе описывается словоизменение современных литературных литовского и латышского языков в полном объёме — на материале всех слов, включённых в базовые словари: *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius, 1993 (DŽ³) — Словарь современного литовского языка (около 74000 слов) и *Latviešu valodas pareizrakstības un pareizrunas vārdnīca*. Rīga, 1995 (LVPPV) — Орфографический и орфоэпический словарь латышского языка (около 80000 слов).

Научная новизна. Предлагаемая работа является первым специальным сопоставительным исследованием обширного раздела морфологии литовского и латышского языков — словоизменения, в процессе которого выявляются также некоторые заслуживающие внимания проблемы теоретической грамматики и предлагаются варианты их решения. Следует отметить последовательное использование метода морфологической акцентологии при описании перемещения ударения в литовском словоизменении.

Теоретическая значимость. Построение сопоставительного описания словоизменения связано с решением ряда важных теоретических проблем, главная из которых — создание оптимальной модели единообразного представления во многом сходного, но во многом и существенно различного материала близкородственных языков. При рассмотрении частных аспектов системы словоизменения балтийских языков в круг проблем общего языкознания вводится материал, до сих пор не заслуживший достаточного внимания, разрабатываются теоретические вопросы описательной лингвистики, в частности, на материале литовского языка совершенствуется метод морфологической акцентологии. Кроме того, последовательный анализ материала с позиций общего языкознания даёт возможность критической оценки некоторых положений традиционной грамматики балтийских языков. Впервые описание словоизменения балтийских языков производится с позиций Ленинградской — Санкт-Петербургской лингвистической школы. Привлечение внимания к нерешённым вопросам интерпретации грамматических явлений балтийских языков открывает перспективы дальнейших изысканий в этой области.

Практическая полезность. Последовательное синхронное описание словоизменения конкретного языка полезно не только для осмысления данного его состояния (ср. также обнаружение недостатков существующих грамматик и словарей), — оно позволяет выявить тенденции развития, перспективные варианты норм, оно важно и при изучении истории языка, так как показывает внутренние противоречия системы, могущие явиться опорой для реконструкции предшествующего состояния¹. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке курсов теоретической и сопоставительной грамматики балтийских языков, акцентологии литовского языка, в преподавании литовского и латышского языков как иностранных и особенно при филологическом их изучении. В прикладном смысле диссертационная работа является шагом к созданию исчерпывающих грамматических словарей для обоих балтийских языков.

¹«Точное определение объёма и природы предмета, развитие которого изучается, имеет основополагающее значение для историка» (Г.Пауль. Принципы истории языка. М., 1960. — с.45).

Методы исследования. Методика работы строится на сочетании дескриптивного и типологического методов. Особая плодотворность типологического метода обуславливается его применением к синхронному описанию близкородственных языков. Описание языкового материала основывалось в первую очередь на существующих лингвистических работах. При недостатке или сомнительности информации о конкретном вопросе словоизменения в литературе использовался также лингвистический эксперимент и привлекались информанты из числа носителей языка.

Апробация работы. Отдельные аспекты диссертации и основные положения были представлены в докладах на конференциях по литуанистике в Вильнюсском университете (1994 г.) и Институте литовского языка (1995 г.), по латтонистике — в Институте латышского языка (1996, 1997 гг.), на VIII международном съезде балтистов (Вильнюс, 1997), на 2 и 3 конференциях по балтийским исследованиям в Европе (Вильнюс, 1997; Стокгольм, 1999), на конференции по языкам Великого Княжества Литовского в Будапештском университете (1998 г.), на 4-м международном семинаре «Литуанистика в университетах мира» (Друскининкай, 1999), на секции балтистики межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов в Санкт-Петербургском государственном университете (1998, 1999 гг.), на семинаре Лаборатории искусственного интеллекта Института математики и информатики Латвийского университета (1997, 1999 гг.), на юбилейном заседании кафедры общего языкознания СПбГУ, посвященном 85-летию со дня рождения Ю.С.Маслова (12 мая 1999 г.), а также на аспирантском семинаре кафедры общего языкознания (1997, 1998 гг.). Практические результаты исследования использовались при преподавании литовского языка на факультете международных отношений СПбГУ (1995–96 гг.), некоторые теоретические вопросы излагались в спецкурсе по литовской акцентологии в Латвийском университете (1996–97 уч.год). По теме диссертации опубликовано более 20 работ (основные из них указаны на стр. 16).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух основных частей, вторая из которых делится на две главы, и заключения. В качестве приложений к диссертации даны пробные выпуски грамматических словарей литовского и латышского языков по словоизменению. Завершает работу указатель встретившихся литовских и латышских слов с переводом на русский язык и список литературы.

Содержание диссертации

Введение. Во введении формулируется цель и задачи работы, характеризуется материал и излагаются принципы его описания. При обосновании актуальности темы и определении теоретической новизны и практической значимости работы коротко освещается состояние исследований словоизменения литовского и латышского языков.

Отдельно рассматривается модифицированная („лингвистическая“) графика, используемая при записи латышских примеров: введены графемы <æ>, <ǣ>, <uo>, <ō> для обозначения соответствующих фонем /æ/, /ǣ/, /uo/, /ō/, в результате чего число графем приведено в соответствие с числом фонем (диграфы <ie>, <uo>, <dz>, <dž> рассматриваются как самостоятельные графемы). Вопреки традиции, восходящей к Я.Эндзелину, при обозначении слоговых акцентов в латышских примерах сохраняется самостоятельное обозначение долготы гласного и последовательно отмечается автоматический нисходящий слоговой акцент. Эти и другие менее важные особенности записи

слов литовского и латышского языков подробно анализируются в первой части работы в разделе, посвящённом принципам построения грамматических словарей.

Часть I. Проблемы сопоставительного описания литовского и латышского словоизменения. В первой части диссертации анализируются основные теоретические вопросы, решение которых связано с построением сопоставительного описания словоизменения литовского и латышского языков, а также с уточнением и развитием некоторых положений существующих грамматик. Параллельно рассматриваются различные практические задачи и приёмы, направленные на создание оптимальной системы представления описываемого материала. Изложение построено в виде ряда более или менее самостоятельных очерков.

Принципы построения грамматического словаря по словоизменению. Описание системы языка состоит из грамматики, формулирующей правила функционирования единиц, и словаря, представляющего инвентарь этих единиц. Грамматический словарь по словоизменению является удобным способом представления информации о парадигмах слов и полезным инструментом в лингвистическом исследовании. Создание грамматического словаря, завершающего описание словоизменения, оказывается одновременно и проверкой полноты и корректности выработанных правил². Представляется, что построение грамматического словаря должно предшествовать созданию толкового или двуязычного словаря, являясь гарантией исчерпывающего представления парадигматической характеристики при каждом слове.

Идея грамматического словаря была впервые реализована А.А.Зализняком, его «Грамматический словарь русского языка» (Москва, 1977) был основным ориентиром в работе над опытом аналогичных словарей для литовского и латышского языков.

Парадигму словоизменения подавляющего большинства слов можно предсказать по некоторым её элементам. В создаваемых грамматических словарях принят фактический способ подачи грамматической информации — путём приведения необходимых для построения полной парадигмы опорных форм. Это обусловлено тем, что при всей разветвлённости словоизменение литовского и латышского языков отличается большой регулярностью и количество опорных форм как правило очень невелико. При описании спряжения, однако, полезной была бы разработка и символической характеристики.

При составлении грамматических словарей базовые словники на данном этапе работы подверглись лишь незначительной формальной реорганизации, связанной с последовательным проведением алфавитного расположения лексем; слова даются в исходных формах даже если эти формы мало употребительны (ср. лит. *nėščias* 'беременный', лтш. *aramiētis* 'арамеец' — вместо более обычного Pl. *aramiēši*).

Грамматический словарь кроме предоставления информации о парадигме слова преследует также цель такой организации корпуса, чтобы слова, характеризующиеся общими особенностями словоизменения, находились рядом. В связи с этим в грамматических словарях языков, в которых грамматическая информация выражается суффиксами и окончаниями, принят инверсионный алфавитный порядок расположения слов (*a tergo*). При расположении слов в алфавитном порядке долгие и краткие гласные

²О важности одновременной работы над словарём и грамматикой ещё в XVIII в. писал великий латышский учёный-энциклопедист Г.Ф.Стендер в предисловии к своей латышской грамматике 1761 года: «Und ich kan nunmehr aus Erfahrung zuverfichtlich behaupten, daß keiner eine rechte Grammatik schreiben kan, ohne zugleich ein Lexicon zu machen oder wenigstens ein gutens Lexicon zum Grunde zu legen, und umgekehrt, das niemand ein Lexicon vertigen kan, ohne ein guter Grammaticus in derfelben Sprache zu feyn».

литовского и латышского языков, а также узкие и широкие /e/, /ē/ : /æ/, /ǣ/ рассматриваются как разные буквы (при определении места слова в обычных словарях они не различаются), так как они отражают существенные фонологические различия, важные при выделении словоизменительных классов слов.

Традиционная запись слов в грамматических словарях пополнена некоторыми дополнительными обозначениями, уточняющими произношение слова (ср. также указанные во введении модификации графики латышского языка): обозначаются слоговые акценты (в латышском языке также слоговые тоны в безударных слогах и место ударения на первом слоге), раздельное произношение буквосочетаний, допускающих двойную трактовку (лит. *polietilēnas* 'полиэтилен', *apsiūti* 'обуться', лтш. *podzolēts* 'подзолистый'), в литовском также краткость ё в потенциально ударных слогах и краткость ō (*biбліotėkā* 'библиотека').

Пояснение значения даётся только при трудностях идентификации слова, то есть при необходимости различать (квази)омонимы или избежать возможной ошибки (например в употреблении паронимов). Из помет, характеризующих сферу употребления слова, даются как правило лишь отмечающие просторечную, разговорную, диалектную и устаревшую лексику. Ограничения на образование потенциальных форм (множественного числа существительных *Singularia tantum*, форм 1 и 2 лица безличных глаголов и т.п.) на данном этапе работы не учитываются.

При определении объёма грамматической характеристики при слове имеется в виду требование необходимости и достаточности. Поэтому для уточнения парадигмы указываются наиболее информативные формы (например, в склонении существительных предпочтение отдаётся не Gen.Sg., а Dat.Sg., отражающему попутно морфологический род; в качестве основных форм глагола в латышском языке выбираются формы 3 лица, показывающие тематический гласный и, соответственно, парадигму спряжения в отличие от традиционно указываемых форм 1Sg.); дополнительно отмечаются лишь отступающие от общего правила формы (например, с отсутствием ожидаемого чередования).

В конце раздела даётся краткий критический обзор существующих обратных словарей литовского и латышского языков, комментируются их достоинства и недостатки.

Принципы морфологической акцентологии и их применение к описанию ударения в системе литовского словоизменения. Ударение литовского литературного языка является свободным, подвижным, полиакцентным — различающим два типа слоговых акцентов на долгих ударных слогах: акут (*dūmai* 'дым', *dàrbas* 'работа', *tiltas* 'мост') и циркумфлекс (*prōtas* 'ум', *draūgas* 'друг', *spraīnas* 'крыло').

При описании литовского словоизменения проблемы акцентуации форм в грамматиках как правило рассматриваются отдельно, в результате чего приходится строить каждую форму в два этапа: сначала образовывать её на сегментном уровне, а потом приписывать суперсегментные характеристики. В настоящей работе для описания акцентуации в словоизменении последовательно применяется метод морфологической акцентологии, поэтому правила построения форм одновременно касаются и их акцентуации.

Метод морфологической акцентологии разрабатывается в трудах П.Гарда, М.Халле и П.Кипарского, В.А.Дыбо, в Литве — в работах Б.Стунджи. Основная идея его сформулирована П.Гардом: «Etudier l'accent d'une langue à accent libre, comme le balto-slave, c'est définir les propriétés accentuelles des différentes classes de morphèmes, et formuler les lois des combinaisons de ces classes de morphèmes entre elles, permettant, à partir des

propriétés accentuelles des morphèmes, de déduire l'accent de tous les mots»³. Постановка ударения в литовском языке определяется двумя основными акцентологическими характеристиками морфем и соответствующими двумя основными принципами. Согласно *морфологическому* принципу, ударение получает морфема большей акцентной силы или первая морфема в ряду равных по акцентной силе: JŪR-A [Nom.Sg.] 'more', JŪR-ą [Acc.Sg.]; galv-à [Nom.Sg.] 'голова', galv-ą [Acc.Sg.]. Согласно *морфонологическому* принципу, ударение переходит с неаккутированного слога на следующий за ним слог аттрактивной морфемы: jŭr-a, jŭr-ą; dien-à, dièn-ą 'день'.

Целесообразно различать два аспекта в морфологическом описании ударения. В *статическом* аспекте любое слово (словоформа) может быть представлено в виде последовательности морфем с определёнными акцентологическими характеристиками (они выясняются на основе анализа ударения в формах малой парадигмы словоизменения). *Динамический* аспект предполагает установление связи между акцентуацией исходной и производной формы или исходного и производного слова; при этом необходимо введение дополнительного свойства морфем — акцентологической доминантности (способности одних морфем влиять на акцентные характеристики других), проявление или блокирование которой иногда бывает связано с определёнными морфологическими и фонологическими особенностями последних.

Следует отметить неоднозначное соотношение морфемы и слога в литовском языке. Если морфема является неоднозначной, один из слогов её определяется как потенциально ударный: при наличии необходимых условий ударение получает он, а не другой слог морфемы (rytāg-as 'широг' — rytag-ù [Ins.Sg.], pasyv-ùs 'пассивный' — pasÿv-ç [Acc.Sg.], ketvī-t-as 'четвёртый' — ketvir-t-à [Nom.Sg.fem.]). Если морфема, которая должна получить ударение, не имеет в своём составе гласного, то ударение реализуется на ближайшем слоге слева, причём на долгом слоге реализуется циркумфлекс (obel-īs 'яблоня' — obel-iēs and obel-s [Gen.Sg.]).

С точки зрения указанных акцентологических характеристик при описании словоизменения литовского языка во второй главе работы охарактеризованы все формообразовательные морфемы. Значительный теоретический интерес представляет интерпретация случаев, когда ударение получает не первая морфема слова, состоящего из акцентологически слабых морфем. Представляется возможным предложить три варианта решения этой проблемы:

- 1) ввести понятие „скрытых“ морфем (ср. понятие „extrametricality“ в метрической теории ударения): kūr-īs 'который' [Nom.Sg.masc.] — kūr-ĩ [Acc.Sg.masc.], dę-garb-Ė 'бечетье' — dę-garb-e [Acc.Sg.];
- 2) постулировать сращение морфем в кластер с определённым потенциально ударным слогом: горюио-īs 'ползун' — горюио-ĩ [Acc.Sg.], Векампi-Аĩ 'Бьякамписы (обозначение семейства по фамилии мужа)';
- 3) ввести тройную градацию морфем по акцентной силе: ger-ĖSN-ĩ 'более хороший' [Acc.Sg.masc.] — ger-ĖSN-Ī [Nom.Pl.masc.], pa-ŠAŪKI-a-m-as 'призываемый' [Nom.Sg.masc.] — pa-ŠAUKI-a-m-À [Nom.Sg.fem.].

Проблемы нормирования слоговых акцентов латышского языка. Ударение латышского языка является фиксированным на первом слоге (редкие исключения — слова с недавно прирощенными проклитиками и недавние заимствования), полиакцентным — различающим три типа слоговых акцентов на долгих слогах: длительный (dĩmi

³P.Garde. Histoire de l'accentuation slave. T.1. Paris, 1976. — p.14

‘дым’, *tīlts* ‘мост’, *diēvs* ‘бог’), нисходящий (*prāts* ‘ум’, *draugs* ‘друг’, *spārn* ‘крыло’) и прерывистый (*vāks* ‘крышка’, *darbs* ‘работа’, *tāls* ‘далёкий’). В безударных слогах, согласно описаниям, сохраняется рудиментарное противопоставление слоговых тонов. Типологически такая ситуация не имеет надёжных параллелей и вопрос о тонах в безударных слогах заслуживает отдельного исследования. В настоящей работе этот вопрос, однако, не подвергался критическому анализу, слоговые акценты и тоны указаны в соответствии с базовым словарём. В современном литературном языке употребление слоговых акцентов слабо нормировано, что связано с большим разнообразием, наблюдающимся в этом отношении в диалектах. LVPPV является первым словарём литературного языка, отмечающим слоговые акценты и тоны. Его рекомендация, однако, нередко расходится с данными наиболее авторитетного словаря латышского языка К. Мюленбаха и Я. Эндзелина⁴, ср. LVPPV: *kāzas* ‘свадьба’, *sālt* ‘мёрзнуть’, *svēikt* ‘приветствовать’ и ME: *kāzas*, *sālt*, *svēikt*. (Среди слов на букву А, при исключении очевидных опечаток и однокоренных слов разной морфологической структуры, было обнаружено 83 примера несоответствия.) Сомнения вызывает иногда также неоднородная акцентуация интернационализмов (ср. *geřbera* ‘гербера’ и *ĉerbĉers* ‘чербер’, *koņcĉrns* ‘концерн’ и *koņcĉrts* ‘концерт’). Подобные случаи ввиду отсутствия каких бы то ни было комментариев в существующей литературе также требуют специального анализа.

Вопросы описания системы склонения литовского и латышского языков.

При описании именного словоизменения необходимо учитывать классификацию склоняемых слов по их отношению к общим для всех имён грамматическим категориям, разделяемым в зависимости от характера категориального признака на классификационные и словоизменительные, (последние делятся на синтаксические и несинтаксические). По характеру *категории рода* противопоставлены предметные слова и слова-атрибуты. Кроме различной структуры парадигмы они характеризуются также некоторыми материальными особенностями склонения (наличие особой формы звательного падежа, различие некоторых окончаний в литовском языке), дающими основания противопоставить субстантивное и атрибутивное склонения. В составе слов-атрибутов отсутствие *категории числа* противопоставляет количественные и дробные числительные прилагательным в широком смысле (данная морфологическая особенность является определяющей при отграничении числительных от других слов с числовым значением). Особенное отношение к категории числа свойственно местоимениям-существительным, характеризующимся, кроме того, некоторыми формальными особенностями склонения. В разряд прилагательных в широком смысле входят также порядковые числительные и причастия. Эта группа слов обладает специфическими категориями определённости-неопределённости, степени сравнения, а в литовском языке также категорией способности к согласованию — отношение к этим грамматическим категориям является морфологическим основанием противопоставления качественных и относительных прилагательных.

В настоящем разделе вопросы описания склонения рассматриваются по грамматическим категориям. При анализе состава *падежной* парадигмы⁵ в литовском языке выделяются два „слабо дифференцированных“ родительных падежа (непритяжательный и притяжательный, ср. *manę* ‘меня’ : *mano* ‘мой’, *ko* ‘кого, чего’ : *kieno* ‘чей’);

⁴К. Mūlenbachs. *Latviešu valodas vārdnīca*. / Redīgējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. = K. Mūlenbachs. *Lettisch-deutsches Wörterbuch*. / Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. Rīgā, 1923–1932.

⁵См. А. А. Зализняк. О понимании термина „падеж“ в лингвистических описаниях. I. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. / Отв. ред. А. А. Зализняк. Москва, 1973. — с. 53–87.

реликтовые формы местных падежей (иллатива, адессива и аллатива) рассматриваются как наречия; в латышском языке могут быть выделены два „слабо дифференцированных“ дательных падежа (обычный и препозициональный, ср. *man* ‘мне’ : *līdz manim* ‘до меня’). Специально разбирается проблема „морфологически несамостоятельного“ творительного падежа в латышском: несмотря на реликты беспредложного употребления и представленное в некоторых диалектах различие слоговых акцентов, выделение творительного падежа в литературном языке нецелесообразно. При описании грамматической категории *roda* рассматриваются случаи несоответствия морфологического (словоизменительного) и грамматического (согласовательного) рода существительных (лит. *vaidila* ‘жрец’), а также рода и пола (лтш. *skuķāns* [masc.] ‘девушка’); намечается подход к решению проблемы существительных общего рода в литовском языке на основе анализа их сочетаемости в различных синтаксических позициях; отмечается сильная тенденция согласования морфологического и грамматического рода в латышском языке и проблематичность в связи с этим выделения в латышском существительных общего рода (разг. *cūka* ‘свинья (о человеке)’ : [Dat.Sg] *cūkam* [masc.] и *cūkai* [fem.]). С категорией числа кроме вопроса о существительных *Singularia* и *Pluralia tantum* (решаемого в соответствии с интерпретацией, предложенной А.А.Зализняком⁶) связаны некоторые частные вопросы: о реликтах двойственного числа, о противопоставлении простых и множественных числительных — обязательном в литовском и факультативном в латышском.

Категория способности к согласованию выделяется в литовском языке на основании противопоставления согласуемых и несогласуемых форм прилагательных (*gėras*, *gėrą* ‘хороший, хорошая’ : *gėra* ‘хорошо’). Рассматривается вопрос о соотношении несогласуемых форм прилагательных и качественных наречий, имеющих много общих черт (ограничения на образование, общая форма сравнительной степени и др.).

На основе сопоставления лит. *mėlynakis* (*berniukas*) и лтш. *zilacis* (*puisis*) ‘голубоглазый (мальчик)’ ставится вопрос о критериях отнесения этих слов к прилагательным или существительным. Отдельно рассматривается статус латышских „*ģenitīvenī*“ (обособленных форм родительного падежа): исключительно атрибутивное употребление заставляет рассматривать их как несклоняемые прилагательные.

В данном разделе диссертации рассматривается также формальная классификация типов склонения. Для литовского языка за основу берётся синхронный подход, предлагаемый в последних Академических грамматиках, основанный на выделении словоизменительных основ, наиболее хорошо представленных в форме *Dat.Pl.* (гласным окончанием перед элементом *-ms*). После формализации правил определения типа склонения аналогичный подход применяется к описанию типов склонения латышского языка: благодаря ярко выраженному противопоставлению парадигм склонения существительных мужского и женского рода здесь выделяются два варианта каждой словоизменительной основы (устанавливаемой по форме *Dat.Sg.*).

Система глагольных форм и грамматических категорий в литовском и латышском языках. Парадигма глагольного словоизменения опирается на противопоставление личных и неличных форм. Ядро личных форм составляют спрягаемые формы, но личными являются также и предикативно употребляемые неспрягаемые формы (формы пересказывательного наклонения балтийских языков, возникшие из причастий, а в латышском также формы сослагательного наклонения, утратившие личные окончания в современном языке).

⁶А.А.Зализняк. Русское именное словоизменение. Москва, 1967. — с.57–61.

Система личных форм глагола строится на противопоставлении, в первую очередь, форм лица и числа (собственно личные формы), а также залога, инфекта-перфекта, наклонения и времени (в изъявительном и пересказывательном наклонении). В латышском языке имеется также категория дебитива, образующая полную парадигму личных форм, в литовском языке — категория вида в формах прошедшего времени. В обоих языках представлено специфическое соотношение категорий *лица* и *числа* в системе личных форм: форма третьего лица не обладает категорией числа. Формы страдательного *залога* образуются аналитически, но в литовском и в латышском языках используются разные модели их построения: акциональный и статальный пассив в литовском языке противопоставляется временными формами причастия, а в латышском — выбором вспомогательного глагола, ср. (лит. *šaukti*, лтш. *saukt* ‘звать’): лит. *yra šaukiamas* : *yra šauktas* и лтш. *tiel saukts* : *ir saukts*. Система *перфекта* полностью параллельна системе инфекта и представлена аналитическими формами. Оба языка имеют по четыре *наклонения*: изъявительное, сослагательное, повелительное и пересказывательное. В литовском языке существуют также реликтовые формы 3 лица желательного наклонения, включаемые в парадигму повелительного наклонения как синонимы более обычных в этом значении сочетаний с частицей *te(-), tegu(1)* ‘пусть’. В изъявительном и пересказывательном наклонении различаются формы трёх *времён*. В литовском языке формы прошедшего времени обладают категорией вида, характеризующей отношение действия к повторяемости, в результате чего выделяется прошедшее однократное и прошедшее многократное время.

К неличным формам глагола относятся причастные образования, инфинитив и, в литовском языке, супин. Причастные образования классифицируются по категории залога и времени. Среди причастных образований действительного залога можно выделить образования несклоняемые, имеющие исключительно полупредикативный характер — „квазипричастия“ (лит. „*padalyviai*“, лтш. „*nelokāmie divdabji*“), изменяющиеся только по временам (в литовском языке; в латышском языке особые формы квазипричастий имеются только в настоящем времени, в прошедшем времени в этой функции используются причастия, в будущем соответствующая конструкция не употребляется). В латышском языке квазипричастием действительного залога на основании своего употребления должно быть признано образование на *-am/-ām*, исторически восходящее к страдательным причастиям. Прочие причастные образования действительного залога могут обозначать как действие (основное — предикативные или второстепенное — полупредикативные), так и признак (атрибутивные), они склоняются, то есть изменяются по родам, числам и падежам — это собственно причастия (среди них выделяется особая адвербиальная полупредикативная форма действительного причастия настоящего времени — „полупричастие“ (лит. „*pusdalyvis*“, лтш. „*daļēji lokāmais divdabis*“).

В конце раздела системы форм глагола литовского и латышского языков представлены в сопоставлении в виде таблицы, отражающей также формообразующие основы.

Строение форм глагола в литовском и латышском языках. Формы глагольного словоизменения в литовском и латышском языках образуются от трёх формообразующих основ: основы инфинитива, основы презенса и основы претерита. В традиционных описаниях исконный тематический гласный глагольной основы рассматривается как часть окончания. В последних Академических грамматиках литовского языка реализуется, однако, другой подход: тематический гласный относится к основе и при присоединении окончаний претерпевает морфонологические изменения: перед гласны-

ми звуками окончаний тематические гласные сокращаются на одну ступень, а перед согласными остаются без изменения. В настоящей работе аналогичный подход предлагается к описанию латышских глагольных основ: тематический гласный исчезает перед гласными звуками окончаний, сокращается на одну ступень перед паузой (то есть перед нулевым окончанием формы невозвратного глагола) и остаётся без изменений перед согласными звуками. Ср. глагол лит. *duoti, duoda, davė*, лтш. *duot, duod, deva* 'дать':

Изменения тематических гласных в личных формах литовского глагола

		невозвратные глаголы			
1Sg	-u	duoda-u	→ duodu	davė-u	→ daviau
2Sg	-i	duoda-i	→ duodi	davė-i	→ davei
3	-ø	duoda-ø	→ duoda	davė-ø	→ davė
1Pl	-me	duoda-me	→ duodame	davė-me	→ davėme
2Pl	-te	duoda-te	→ duodate	davė-te	→ davėte
		возвратные глаголы			
1Sg	-uo-si	duoda-uo-si	→ duoduosi	davė-uo-si	→ daviausi
2Sg	-ie-si	duoda-ie-si	→ duodiesi	davė-ie-si	→ daveisi
3	-ø-si	duoda-ø-si	→ duodasi	davė-ø-si	→ davėsi
1Pl	-mė-s	duoda-mė-s	→ duodamės	davė-mė-s	→ davėmės
2Pl	-tė-s	duoda-tė-s	→ duodatės	davė-tė-s	→ davėtės

Изменения тематических гласных в личных формах латышского глагола

		невозвратные глаголы			
1Sg	-u	duoda-u	→ duodu	devā-u	→ devu
2Sg	-ø, -i	duoda-ø	→ duod	devā-i	→ devi
3	-ø	duoda-ø	→ duod	devā-ø	→ deva
1Pl	-m	duoda-m	→ duodam	devā-m	→ devām
2Pl	-t	duoda-t	→ duodat	devā-t	→ devāt
		возвратные глаголы			
1Sg	-uo-s	duoda-uo-s	→ duoduos	devā-uo-s	→ devuos
2Sg	-ie-s	duoda-ie-s	→ duodies	devā-ie-s	→ devies
3	-ø-s	duoda-ø-s	→ duodas	devā-ø-s	→ devās
1Pl	-mie-s	duoda-mie-s	→ duodamies	devā-mie-s	→ devāmies
2Pl	-tie-s	duoda-tie-s	→ duodaties	devā-tie-s	→ devāties

Таким образом, тематические гласные признаются основообразующими суффиксами основ презенса и претерита в современном языке, а форма 3 лица выступает с нулевым окончанием, что хорошо сочетается с её немаркированностью в оппозиции по категории лица и нехарактеризованностью по числу (чистая основа презенса, согласно предлагаемой трактовке, выступает в форме латышского дебитива, тогда как при традиционном подходе он предстаёт с противоречащим логике синхронного описания окончанием 3 лица). Тематические гласные всегда различают основы презенса и претерита (лит. *augti, auga-me, augo-me*, лтш. *augt, auga-m, augā-m* 'расти').

Формы глагола в предлагаемой интерпретации строятся при помощи единой системы суффиксов и личных окончаний, так как морфонологические правила, описывающие изменения тематического гласного универсальны для всей системы глагольного словоизменения. Для литовского языка, правда, необходимо иметь ввиду ещё два общих морфонологических правила — о переходе *-eu-* → *-iau-* (в 1Sg) и о сокращении тавтосиллабической сверхдолготы (например, *-o-uo-si* → *-auosi* → *-ausi*).

Принципы описания словоизменительных классов глаголов в литовском и латышском языках. Дескриптивная грамматика предполагает, помимо определяемой единством парадигм окончаний классификации глаголов на *спряжения*, выделение

словоизменительных классов глаголов, то есть групп глаголов, характеризующихся тождественным формальным соотношением формообразующих основ.

В латышской грамматике соотношение формообразующих основ традиционно описывается в терминах спряжений. Такой подход делает совершенно несопоставимыми типы спряжения литовского и латышского глагола. В настоящей работе на основе анализа парадигм окончаний в латышском языке противопоставляются два спряжения: краткостное (с тематическим гласным -a) и долготное (с тематическим гласным -ā). Латышским глаголам краткостного спряжения в литовском языке соответствуют глаголы с краткими тематическими гласными -a и -i, а латышским глаголам долготного спряжения — глаголы с долгими тематическими гласными -o и (только в прошедшем времени) -ė.

Между тремя традиционно выделяемыми формообразующими основами литовского и латышского глагола может быть установлена некоторая иерархия, отражающая близость основ инфинитива и претерита. Тем не менее сведение трёх основ к двум (презентной и непрезентной) не представляется целесообразным, — более удобным оказывается задавать все три основы для каждого глагола.

В основе распределения глаголов по словоизменительным классом должны лежать „сквозные“ (имеющиеся у каждого глагола) морфологические признаки: структурный тип глагола (первичный, вторичный, смешанный), тематический гласный основы презенса и — в литовском языке — тематический гласный основы претерита. На этом основании в литовском языке выделяется 7, а в латышском — 4 словоизменительных класса глаголов. Дальнейшее вычленение более мелких групп на основе частных различий нецелесообразно, так как группы будут нередко пересекаться. Поэтому после определения словоизменительного класса каждый глагол характеризуется с точки зрения наличия в его основах морфонологических чередований. При этом последовательно проводится различие между неавтоматическими и автоматическими чередованиями, до сих пор не отмечавшееся при классификации глагольных основ, в результате чего часто смешивались главные и второстепенные особенности их строения.

Среди неавтоматических различий в первую очередь выделяются субморфы⁷ (-j-, -st-, -n-, -d-, „инфикс“) в основе презенса. Так как эти элементы структуры основы не могут самостоятельно выражать значение настоящего времени, а встречаются в современном языке только в сочетании с тематическим гласным, им нельзя приписать статус самостоятельных морфем. Функционально аналогичны им чередования звуков в основе презенса (в латышском также чередование согласных в основе претерита), неавтоматическое изменение акцента (как правило в отношении акцентуации формообразующие основы едины).

К автоматическим различиям относятся вставка глайдов с целью избежания зияния, метатеза взрывного и щелевого согласного в зависимости от меняющейся структуры слога, упрощение сочетаний согласных, ассимилятивные и диссимилятивные процессы.

Несколько глаголов имеют индивидуальные особенности в образовании основ.

Аналитические формы в литовском и латышском словоизменении. Основное количество словосочетаний, претендующих на статус аналитических форм присутствует в системе глагола: это формы страдательного залога, перфекта, 3 лица повелительного наклонения с частицами со значением 'пусть', формы дебитива в латышском языке, начинательные формы времён и наклонений в литовском. За пределами системы

⁷О понятии субморфа см. В.Б.Касевич. Морфонология. Ленинград, 1986. — с.83–95.

глагола вопрос об аналитических формах встаёт лишь при описании степеней сравнения. Формами степеней сравнения в настоящей работе признаются лишь синтетические образования, а различные обороты типа лит. *labiau/labiausiai pavargęs*, лтш. *vairāk/visvairāk piekūsis* ‘более/наиболее усталый’, *visų geriausias (gerasis)*, *pats geriausias (gerasis)*, лтш. *pats labākais* ‘самый лучший’ и др. расцениваются как свободные синтаксические сочетания.

Могут быть выделены два основных критерия функциональной неразложимости сочетания служебного и знаменательного слова, имеющей место при аналитическом выражении грамматического значения (то есть когда показателем формы является не аффикс, а служебное слово): с точки зрения внутреннего устройства рассматриваемым сочетаниям свойственна *идиоматичность* как грамматического, так и лексического значений, которая приводит к специализации компонентов, сужению их сочетаемости; с точки зрения места в системе языка эти сочетания характеризуются *универсальностью*: они не имеют лексических ограничений на образование и входят в парадигму словоизменения, чем обуславливается обязательность их употребления в известных грамматических ситуациях. Кроме того, существует определённое количество внешних признаков большей или меньшей спаянности компонентов сочетания, например: невозможность опущения, дистантного расположения и перестановки компонентов, допустимость присоединения отрицания лишь к одному компоненту, исчезновение исходных грамматических черт одного из компонентов (например, утрата форм согласования у причастия), употребление наречия в усилительной функции при форме глагола, редукция служебного слова и др.

Возникновение аналитических форм связано с процессом постепенной грамматикализации прототипических сочетаний слов, поэтому естественно, что в разных языках могут быть представлены сочетания с разной степенью грамматикализации. Большинство аналитических форм балтийских языков сохраняет тесную связь с прототипическими свободными сочетаниями и часто бывает трудно провести грань между ними.

На основе изложенных теоретических положений в данном разделе диссертации анализируются указанные сочетания, претендующие на статус аналитических глагольных форм. Сочетания с частицей ‘*пусть*’, имеющие значение императива 3 лица не признаются аналитическими формами. В системе пассива и перфекта степень грамматикализации зависит от типа предиката: аналитическими формами могут быть признаны только формы акционального перфекта (актива и пассива) и в меньшей степени — формы стального пассива. Дебитив в латышском языке образует аналитическую форму, высокая степень грамматикализации которой определяется невозможностью употребления дебитива вне сочетания с вспомогательным глаголом ‘*быть*’, то есть иначе как в предикативной функции. Аналитическими признаются также формы начинательных времён и наклонений литовского языка.

Латышский дебитив. Латышский дебитив является своеобразной формой выражения долженствования, не имеющей близких параллелей в других европейских языках. Эта аналитическая форма лежит в основе дебитивной конструкции, выступающей в двух разновидностях: в двусоставном предложении при объекте действия, занимающем позицию подлежащего, и в безличном предложении при субъекте действия в позиции дополнения. Субъект действия выражается формой дательного падежа. Синтаксическая роль объекта действия определяется падежной формой (номинатив или аккузатив) и в случае номинатива — наличием согласования в форме сказуемого (наблюдае-

мым в перфектных временах и прошедшем времени пересказывательного наклонения). На выбор конструкции оказывает влияние тема-рематическая структура высказывания: объект, являющийся темой, скорее будет выражен подлежащим. Лишь при объекте, выраженном местоимением 1 или 2 лица или возвратным местоимением *sevis* 'себя' в литературном языке возможна только безличная конструкция с дополнением в форме винительного падежа.

Парадигма дебитива образуется изменением вспомогательного глагола, могущего принимать формы 3 лица изъявительного или пересказывательного наклонения (всех времён) и сослагательного наклонения как в системе инфекта, так и в системе перфекта, как в активном, так и в пассивном залоге. Пассивизация дебитивной конструкции встречается редко, так как не имеет функциональной нагрузки: уже в дебитивной конструкции субъект не занимает позицию подлежащего. Нормально употребляются только конструкции со значением стательного пассива. Интересна альтернативная форма дебитива настоящего времени пересказывательного наклонения, в которой показатель дебитива присоединяется к основе пересказывательного наклонения (*jālasuot*) и, по видимому, употребляется нулевая связка (о чём говорит в частности употребление в разговорной речи материально выраженной связки: *æsuot jālasuot*).

Противопоставление дебитивных и недебитивных форм образует самостоятельную грамматическую категорию дебитива в сфере личных форм латышского глагола. Эта категория относится к области модальных значений, но не может считаться наклонением (вопреки существующим грамматикам), так как допускает совмещение семантики долженствования с семантикой собственно наклонений (изъявительного, пересказывательного, сослагательного).

Сказуемое в форме дебитива выражает предикат качества, поэтому при отрицании не происходит изменения конструкции (объект не принимает форму родительного падежа в отличие от экзистенциальной и посессивной конструкций). Сказуемое дебитивной конструкции может быть сопоставлено с составными именными сказуемыми, включающими формы долженствования в качестве именного компонента, ср. лтш. *Grāmata man ir jālasa* 'Мне надо читать книгу' и *Grāmata man ir lasāma*, лит. *Knyga man yra skaitytina*, лат. *Liber mihi est legendus*. Дебитив отличается от этих форм долженствования тем, что используется исключительно в предикативной функции (невозможен в функции определения) — он выступает только в сочетании с глаголом *būt*, с которым образует аналитическую глагольную форму.

В конце раздела освещается вопрос о тенденциях развития дебитивной конструкции (сближение с безличной, экспансия аккузатива объекта) и о её происхождении из посессивной или экзистенциальной конструкции с определительным придаточным оборотом.

Пересказывательное наклонение литовского и латышского языков. Пересказывательное наклонение в латышском и литовском языках сформировалось на основе предикативного употребления причастий. В литовском языке формы пересказывательного наклонения омонимичны причастиям, в латышском языке настоящее и будущее время пересказывательного наклонения выражается специальными формами, в настоящем времени омонимичными квазипричастиям. Формы пересказывательного наклонения отличаются от предикативно употребляемых причастий отсутствием глаголосвязки. Нулевой вспомогательный глагол возможен также в форме перфекта настоящего времени, что приводит к омонимии, которая снимается, однако, при отрицании, так

как отрицательная частица присоединяется к личной форме, то есть к вспомогательному глаголу в форме перфекта или к форме причастия в пересказывательном наклонении. Традиционно в латышском языке в пересказывательном наклонении не выделяется форм прошедшего времени, согласно описаниям в их функции выступают формы перфекта (иногда с нулевой связкой). Такая интерпретация представляется неверной: она не может объяснить формы со связкой в прошедшем времени (плюсквамперфект пересказывательного наклонения), а также формы с отрицанием, присоединяемым непосредственно к форме действительного причастия прошедшего времени, выступающего в функции личной формы глагола в пересказывательном наклонении (*negājis* ‘не шёл’ — простое прошедшее при перфекте *neāsuot gājis*).

Пересказывательные формы, согласно классификации грамматических категорий Р.О.Якобсона, относятся к категории эвиденциала⁸, объединение их с категорией наклонения в одной парадигме возможно из-за отсутствия совмещения показателей (формы 3 лица косвенного императива не признаются морфологическими). С другой стороны, так как система пересказывательных форм полностью параллельна системе форм индикатива, не исключена возможность выделять в пределах последнего две серии форм, различающихся категорией засвидетельствованности.

Часть II. Анализ словоизменения. Вторая часть диссертации посвящена реализации рассмотренных теоретических положений в виде описания систем словоизменения литовского и латышского языков; материал её распадается, соответственно, на две главы, которые предваряет краткий сопоставительный обзор наиболее важных морфологических чередований. Описание производится по частям речи (проводится строгий морфологический подход к классификации), анализируются основные парадигмы словоизменения и описываются все случаи отклонения от них, попутно выявляются нерешённые проблемы нормы. В латышском языке реализуется нетрадиционный способ описания типов спряжения глагола, основанный на сравнении парадигм окончаний, что обеспечивает возможность сопоставления с литовским языком (соотношение новой и традиционной классификации рассмотрено в специальном разделе). К описанию литовского словоизменения прилагается свод правил акцентуации приставочных глаголов, важный для общей характеристики акцентуации глагола.

Заключение. В заключении коротко формулируются наиболее важные теоретические выводы и подводятся общие итоги работы. На защиту выносятся следующие основные положения.

1. Представление словоизменения в грамматике должно быть согласовано с грамматической информацией, приводимой в словаре; составление грамматического словаря является необходимой частью описания словоизменения; при незначительных модификациях традиционной записи слов грамматические словари литовского и латышского языков могут выполнять также функции орфоэпических.
2. Строгий теоретический подход и анализ обширного материала позволяет выявить недостатки существующих описаний и нерешённые вопросы нормы балтийских литературных языков; сопоставление помогает осмыслению частных грамматических явлений каждого языка, вводя их в более широкий контекст.

⁸Р.О.Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. Москва, 1972. — с.101.

3. Раздельное описание образования форм на сегментном уровне и их акцентуации в литовском языке неэкономно и ущербно, сочетать оба аспекта позволяет метод морфологической акцентологии.
4. Тематические гласные в глаголе балтийских языков являются основообразующими суффиксами, их изменения при присоединении следующих морфем описываются простыми морфонологическими правилами; личные формы глагола образуются при помощи единой парадигмы окончаний.
5. В латышском глаголе различаются два тематических гласных (a- и ā-), с учётом их морфонологических изменений перед личными окончаниями при практическом описании можно выделять два типа спряжения: краткостный и долготный.
6. При описании словоизменительных классов следует различать неавтоматические и автоматические морфонологические изменения в основах; древние суффиксы и чередования, характеризующие глагольные основы утратили в современных балтийских языках морфологический статус, значение времени передаётся теперь только тематическими гласными.
7. В балтийских языках представлены аналитические формы с разной степенью грамматикализации; как правило, особенно в литовском, сохраняется тесная связь их с прототипическими свободными сочетаниями.
8. Латышский дебитив образует самостоятельную категорию в области личных форм глагола; принадлежат к сфере модальности, он не может рассматриваться как наклонение ввиду совмещения его показателя с показателями других наклонений.
9. Пересказывательное наклонение в латышском языке (как и в литовском) имеет формы всех трёх времён, различие перфекта с нулевой связкой и простого прошедшего эксплицитно выступает в формах с отрицанием.

Отдельно отмечаются направления дальнейших исследований словоизменения и морфологии балтийских языков вообще — как в теоретическом, так и в практическом аспекте (вопрос о существительных общего рода в литовском и латышском языках, употребление и тенденции развития латышского дебитива, уточнение объёма парадигмы форм страдательного залога в разных временах и наклонениях, описание и нормирование слоговых акцентов латышского литературного языка и др.).

Приложения. К диссертации прилагаются пробные выпуски грамматических словарей литовского и латышского языков по словоизменению, в которых реализуются принципы построения, рассмотренные в первой части работы. Пробные выпуски включают слова на букву A (Ą, Ą) и составлены на основе базовых словарей, словарь которых был подвергнут некоторой реорганизации в соответствии со спецификой грамматического словаря. Слова расположены в инверсионном алфавитном порядке (a tergo) и снабжены грамматической информацией о словоизменении, оптимальный объём которой определён в результате проведённого исследования. К словарям прилагаются краткие грамматические очерки, в которых парадигмы словоизменения обобщены в виде таблиц.

Основные публикации по теме диссертации

1. Andronovas A. *Priešdėlinių veiksmažodžių kirčiavimas morfologinės akcentologijos požiūriu*. // *Baltistica*, XXX (1), Vilnius, 1995. — pp.93–100.
< Акцентуация приставочных глаголов [литовского языка] с точки зрения морфологической акцентологии >
2. Andronovas A. *Lietuvių kalbos žodžių kaitybos aprašymas: trūkumai, problemos, sprendimai*. // *Lietuvių kalba: tyrėjai ir tyrimai*. Pirmosios lietuviškos knygos — Mikalojaus Daukšos Katekizmo — Didžiojoje Lietuvoje (Vilniuje 1595) 400 metų sukakčiai paminėti. Konferencijos pranešimų tezės 1995 m. spalio 25–26 d. Vilnius, 1995. — pp.12–13.
< Описание литовского словоизменения: недостатки, проблемы, решения >
3. Andronov A. *Conjugation*. // <http://ai1.mii.lv/1gram-ww/verbwww.htm>
= Andronovs A. *Darbības vārda konjugēšana*. // .../1gram1-w/ver2www.htm
< Спряжение [латышского] глагола >
4. Andronov A. *A Short Grammar of Lithuanian by Therje Mathiassen (Slavica Publishers, 1996, 256 p.)*. // *Res Balticae. Miscellanea Italiana di Studi Baltistici a cura di Pietro U.Dini & Nikolai Mikhailov*. 1997. — pp.129–140.
5. Андронов А. *Словоизменительные классы глаголов в литовском языке*. // Язгулямский сборник 2. Санкт-Петербург, 1997. — с.26–31.
6. Andronovs A. *Pārdomas par verba locīšanu latviešu valodā* // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis, Rīga*, 1997, 51. Sēj., A daļa, N° 3/4. — 30.–35.lpp.
< Размышления о латышском спряжении >
7. Andronovs A. *Par vārda gramatisko raksturojumu vārdnīcā*. // *Linguistica Lettica 2. Latviešu valodas institūta žurnāls. Rīga*, 1998. — 141.–152.lpp.
< О грамматической характеристике слова в словаре >
8. Андронов А.В. *К проблеме словоизменительных классов глаголов в латышском языке*. // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 1. Секция баллистики (10–12 марта 1998 г.). Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 1998. — с.4–5.
9. Андронов А. *От синтаксической конструкции к аналитической форме (аналитические формы наклонений и времён в балтийских языках)* // «Языки в Великом Княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: аналогии и преемственность». Материалы конференции 25–26 мая 1998 г. / Редакторы: А.Лацхази, Э.Смолинка, А.Золтан. Будапешт, 1998. — с.12–13.
10. Andronov A. *A Short Grammar of Latvian by Therje Mathiassen (Slavica Publishers, 1997, 236 p.)*. // *Res Balticae. Miscellanea Italiana di Studi Baltistici a cura di Pietro U.Dini & Nikolai Mikhailov*. 1998. — pp.139–158.
11. Andronovs A. *„Vajadzības izteiksme“ latviešu valodas gramatiskajā tradīcijā*. // *Baltu filoloģija VIII. Rakstu krājums. Latvijas Universitātes Zinātniskie raksti*. 619. sējums. Rīga, 1998. — 154.–177.lpp.
< „Долженствовательное наклонение“ в латышской грамматической традиции >
12. Андронов А.В. *Некоторые проблемы морфологической интерпретации ударения в литовском языке*. // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 1. Секция баллистики (2–4 марта 1999 г.). Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 1999. — с.5–7.